

Десятки белорусских евреев вошли в историю, став легендарными разведчиками. Некоторые из них удостоены высокого звания Героя Советского Союза. И только один человек 15 лет возглавлял секретные службы Израиля, в том числе одну из самых эффективных разведок мира — «Моссад». Речь идет об Иссере Харэле.

Эммануил ИОФФЕ

«...ЗАЩИТНИК ЧЕСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ»

УРОЖЕНЕЦ БЕЛАРУСИ РУКОВОДИЛ СЕКРЕТНЫМИ СЛУЖБАМИ ИЗРАИЛЯ

Настоящие имя и фамилия этого человека — Изя Гальперин. Его малая родина — белорусский город Витебск. Здесь в 1912 году в семье управляющего заводов по производству уксуса, выпускника Воложинской иешивы Натана Гальперина и Иохевед Левиной начался его жизненный путь. Когда Изе было 10 лет, семья переехала в Латвию, в город Даугавпилс, который до 1920 года назывался Двинском. В 1928 году 16-летний юноша окончил гимназию с преподаванием на иврите и после курса подготовки к сельскохозяйственному труду начал работать в одной из халуцианских ферм на территории Латвии.

В 1930-м Иссер Харэль прибыл в Эрец-Исраэль и в течение пяти лет был членом кибуца в Нижней Галилее. В 1935–1944 годах он работал на дорожном строительстве и прокладке оросительных систем, являясь одновременно членом Хаганы и активным бойцом в отрядах самообороны.

Зарубежный исследователь Иосиф Дайчман констатирует:

«Иссер Гальперин родился в 1912 году в окрестностях Витебска. (...) Он был младшим из четырех сыновей богатого еврейского коммерсанта, знатока Талмуда. Но юного Иссера привлекала не только эта книга. Харэль запомнил приезд в Витебск Льва Троцкого. Позже Иссер вполне мог увлечься коммунизмом, если бы не серьезное домашнее воспитание. (...) В юношеском возрасте Иссер вступил в левую организацию «Га-Шомер Гацаир» («Молодая гвардия», которая впоследствии преобразовалась в партию «Мапам»).

В январе 1930 года Гальперин оказался в числе нескольких счастливых, которых «Га-Шомер» направил в кибуц в Палестину (семья Гальпериных приехала туда на два года раньше). Иссер проявил первые конспиративные успехи еще на границе: смог незамеченным провезти револьвер (спрятал его в буханке хлеба. — Э.И.) через весьма жесткую английскую таможню.

Работать он начал в кибуце близ Херцлии, на побережье недалеко от Тель-Авива. Вскоре женился, какое-то время они с Ривкой жили в палатке, разбитой среди песчаных дюн.

Он был среди пионеров социализма, но затем утратил интерес к нему. Проработав (и очень успешно) около десяти лет в еврейском колхозе, Иссер вместе со своей веселой и энергичной женой Ривкой (которую соседи прозвали Амазонкой. — Э.И.) вышел из кибуца и открыл небольшое предприятие по упаковке апельсинов.

С началом Второй мировой войны вступил в Хагану и с 1944 года работал в Шай, разведывательной службе этой организации».

В интервью израильскому и российскому журналисту Александру Ступникову Иссер Харэль сказал:

«... во времена британского мандата организаторы еврейской самообороны направили меня на побережье — встречать нелегальных эмигрантов, которых по цепочке, из рук в руки, принимали и помогали обустроиться в Палестине. И вот тогда у меня произошла памятная стычка со старшим британским офицером, который позволил себе антисемитскую реплику. Я избил его. Это

ыл, кстати, единственный случай в Палестине, когда на британского офицера кто-то прилюдно посмел поднять руку. Мне грозил суд и наказание. И товарищи перевели меня на нелегальное положение. Так изменилась моя судьба, а я начал заниматься вопросами безопасности нашей организации».

Итак, в конце 1944 года 32-летний Харэль был направлен в службу информации (разведку) Хаганы. В начале 1948-го он стал главой службы безопасности Тель-Авива и прилегающего округа. Именно в 1948 году Иссер(Изя) Гальперин изменил фамилию на Харэль.

В июне 1948 года И. Харэля назначили руководителем Шабак (*Общей службы безопасности. – Э.И.*) уже независимого Государства Израиль. С сентября 1952-го по март 1963 года он был главой «Моссада» (*Управления по делам разведки и специальных операций. – Э.И.*). В эти же годы Харэль одновременно возглавлял Объединенный комитет руководителей всех израильских секретных служб и был советником главы правительства Д. Бен-Гуриона по вопросам безопасности и обороны.

Некоторое время (сентябрь 1965 – июнь 1966) он был советником по вопросам разведки и борьбы с террором главы правительства Л. Эшкола.

День реорганизации, проведенной Шилоем 1 апреля 1951 года, считается днем рождения «Моссада». Директором «Моссада» Бен-Гурион назначил самого Рувена Шилоя и определил, что эта служба (предполагалось, что прежде всего это будет представительная координационная структура) должна подчиняться непосредственно премьер-министру.

Шилой пробыл на посту директора недолго, но успел внедрить принципы, которыми «Моссад» руководствовался на протяжении следующих десятилетий.

20 сентября 1952 года, после полутора лет пребывания на посту руководителя «Моссада», первый директор в истории этой службы ушел в отставку. Он назвал вполне очевидных кандидатов на этот пост: Левинского, Джибли и Харэля.

Бен-Гурион остановил свой выбор на Харэле.

Профессионализм, упорство и настойчивость, преданность делу и моральная чистота Харэля произвели на премьер-министра большое впечатление, Бен-Гурион счел, что именно этому человеку следует поручить задачу, которую еще не все толком понимали.

В то время «Моссад» размещался в трех комнатах и имел штат 12 человек.

Возглавив службу внутренней безопасности «Шин-Бет» и внешнюю разведку «Моссад», Харэль стал верховным главнокомандующим израильской разведки.

Годы подполья оказались отличной школой. В разгар войны 1948 года Бен-Гурион отметил разведывательный талант Харэля и стал способствовать его продвижению по службе. В 36 лет Иссер стал первым директором «Шин-Бет». А затем Бен-Гурион назначил его одновременно директором «Моссада». Так Иссер Харэль, который давал отчет только премьеру, на многие годы стал фактически вторым человеком в Израиле.

И. Харэль, самый известный из директоров «Моссада», всегда гордился тем, что его агентство, в отличие от других западных разведывательных служб, полагается прежде всего на агентурные источники. Специалисты признавали, что разведка Израиля обладает лучшим в мире агентурным аппаратом. Харэль свято верил в силу человеческих инстинктов. Сам он, несомненно, обладал превосходно развитым чутьем и отдавал предпочтение трудно поддающемуся объяснению, а не холодному расчету и чистой технологии.

Иссер Харэль не мог примириться с тем, что самые заклятые враги евреев всё еще были на свободе. В конце 1959 года «Моссад» вышел на след одного из наиболее известных нацистских преступников Адольфа Эйхмана, который в годы войны осуществлял «окончательное решение еврейского вопроса», а на тот момент проживал с семьей в Буэнос-Айресе.

Харэль, проинформировав Бен-Гуриона, немедленно получил санкцию на похищение Эйхмана и его вывоз в Израиль для предания суду. Для непосредственного руководства операцией Иссер лично вылетел в Париж, где

был организован командный пункт, а затем в Аргентину.

Позже И. Харэль вспоминал:

«Это была самая сложная и тонкая операция, которую когда-либо проводил «Моссад». Я чувствовал, что обязан взять ее выполнение под личную ответственность».

Была сформирована специальная оперативная группа, в которую вошли два десятка работников «Моссада» и «Шин-Бет», в том числе одна женщина. Все они были добровольцами, почти все потеряли родственников в Холокосте и ненавидели Эйхмана. Харэль специально предупредил их о необходимости сдерживать эмоции – преступника надо было не уничтожить, а вывезти в Израиль и предать показательному суду.

В операции участвовало более 30 человек. Двенадцать составляли группу захвата, остальные осуществляли поддержку и специальное обеспечение. В Буэнос-Айрес оперативники прибывали в разное время, из разных стран и городов. Опергруппа сняла около полудюжины конспиративных квартир, арендовала несколько автомобилей для бригады наружного наблюдения. Женщина-оперативник выполняла роль домохозяйки и повара в квартире, где намечалось после похищения укрыть Эйхмана.

Физическое задержание осуществляли Рафи Эйтан, Авраам Шалом и Петер(Цви) Малкин. 11 мая 1960 года вечером они подкараулили Эйхмана у его дома и, ослепив светом фар, скрутили и втокнули в автомашину. Там ему воткнули кляп, связали, набросили на голову мешок и привезли на конспиративную квартиру.

«Рикардо Клемент» (под этим именем и фамилией скрывался Эйхман. – Э.И.) не сопротивлялся и на первом допросе признался, что является Адольфом Эйхманом. Татуировка с указанием группы крови, которую всегда делали в Германии офицерам СС, была выведена – Эйхман позаботился об этом еще в пересылочном лагере, остался только небольшой шрам. Но пленник безукоризненно помнил свои номера в СС, а также номер билета члена НСДАП. Он рассказал практически всё, что от него требовали, подписал всё, что следовало, в том числе заявление о согласии предстать перед израильским судом.

У моссадовцев мороз прошел по коже, когда однажды после молитвы на немецком Эйхман с хорошим произношением прочел на иврите молитву «Шма Исроэль», с которой в концентрационных лагерях евреи шли в нацистские газовые камеры: «Услышь, о Израиль, наш Бог, единый Бог»...

Позже сам Харэль и его соратники признавались, что самым трудным оказалось содержать Эйхмана в ожидании самолета в течение девяти дней на конспиративной квартире, кормить и ухаживать за ним. Некоторые члены опергруппы уже были готовы забыть приказ и прикончить палача на месте.

Накануне отлета оперативники на конспиративной квартире переоделись в форму сотрудников компании «Эль Аль», переодели и пленника. Врач «Моссада» сделал Эйхману инъекцию транквилизатора. В аэропорту весь «резервный экипаж» старательно изображал последствия праздничного веселья. Один из охранников только и сказал: «Этим ребятам Буэнос-Айрес наверняка пришелся ко вкусу».

Не вызвав ни у кого подозрений, Эйхмана сопроводили на борт самолета. Командир авиалайнера только после взлета узнал о необычном пассажире.

В 7 часов утра 22 мая 1960 года рейс доставил самого известного из оставшихся на свободе нацистских преступников в Израиль.

На следующий день Бен-Гурион проявил редкую открытость и признал заслуги израильских спецслужб, заявив в Кнессете:

«Я должен сообщить вам, что некоторое время назад секретной службой Израиля захвачен один из главных нацистских преступников Адольф Эйхман, который наряду с руководителем фашистской Германии несет ответ-

свенность за уничтожение шести миллионов евреев в Европе... Адольф Эйхман арестован и находится в Израиле, в скором времени он предстанет перед судом».

Это заявление было встречено единодушными аплодисментами. 31 мая 1962 года по приговору суда А.Эйхман был повешен в тюрьме в Рамле.

До 1960 года имя Харэля не упоминалось в печати. Похищение Эйхмана и связанный с этим взлет престижа «Моссада» были, несомненно, звездным часом Иссера Харэля. В течение последующих 30 лет его всегда приравнивали к человеку, который похитил Эйхмана.

Иссер Харэль сумел обеспечить высокую надежность своих служб. На протяжении десятилетия, полностью контролируя «Моссад» и опекая «Шин-Бет», он выработал определенный стиль обеспечения безопасности Израиля.

Сфера деятельности разведывательных служб и особенно контрразведки была чрезвычайно обширной. Репутация, приобретенная в мире «Моссадом» в те годы, когда им руководил Харэль, основывалась на успешном проведении ряда трудных и опасных операций,

лишь немногие из которых по настоящему преданы огласке. Среди них – подпольная (1956 – 1960) и неофициальная (1961 – 1964) репатриация свыше 100 тысяч евреев из Марокко в Израиль, спасение летом 1961 года нескольких сотен евреев города Бизерты в Тунисе, которые тайно были вывезены оттуда морем накануне готовившегося погрома; своевременное выявленное участие бывших нацистских инженеров и ученых в реализации планов Г.А. Насера по созданию в Египте ракетного и неконвенционального оружия и др.

Одно время «Моссад» активно вел борьбу с агентами КГБ в Израиле. Так, например, И. Харэлю удалось установить, что два известных деятеля, члены левой партии «Мапам» являются советскими агентами. Речь идет об Авраме Коэне и личном друге премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона, владевшем самой секретной информацией государства, Иссере (Израиле) Беери.

После ухода в отставку И. Харэль посвятил себя литературному труду. Он написал 12 книг, в том числе «Правда об убийстве Кастнера» (1985), «Советский шпионаж: коммунизм в Эрец-Исраэль» (1987), «Безопасность и демократия» (1989), «Дом на улице Гарибальди» (1975, 1990, о поимке Эйхмана). Все на иврите. Книга «Похищение палача» вышла в Москве на русском языке в 1992 году.

Самым серьезным ударом по «Моссаду» и лично по И. Харэлю стала «война» против немецких ученых, которые были наняты Египтом для проведения разработок в военной области, прежде всего в ракетостроении. Он ответил операцией «Дамокл» – и это уже был меч, который он повесил над головой каждого немецкого ученого в Египте.

К катастрофическому финалу операции «Дамокл» привело также использование австрийца, доктора Отто

Йоклика, одного из ракетчиков, которые работали у Насера в Египте. 25 марта 1963-го, через 9 дней после ареста в Швейцарии Йоклика и Бен-Гала, Харэль подал заявление об отставке, что и произошло 26 марта 1963 года.

Исследователи, отмечая большие заслуги И. Харэля, задают себе вопрос: каковы характерные черты этого человека – руководителя секретных служб Израиля на протяжении 15 лет?

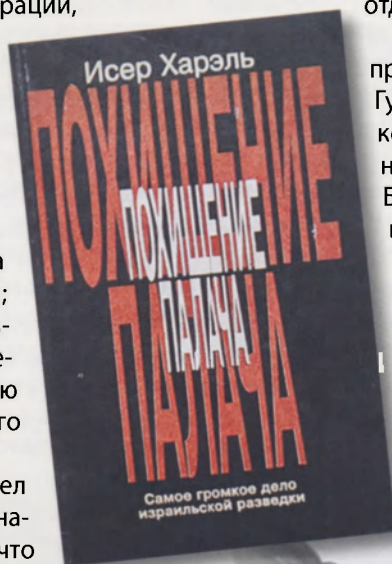
Подчиненные побаивались Иссера Харэля, называли либо Наполеоном, либо Иссером Грозным.

Первые два года служба безопасности считалась частью вооруженных сил. Ее сотрудникам присвоили воинские звания, жалование им платила тоже армия. Сам Харэль стал подполковником.

Он считал, что служба безопасности должна быть гражданским учреждением, и хотел освободиться от армейского руководства. Он добился своего, но зарплату контрразведчикам по-прежнему должно было платить Министерство обороны, которому, однако, стало жалко отдавать деньги на сторону.

При удобном случае Харэль доложил премьер-министру Израиля Давиду Бен-Гуриону, что пятнадцать его сотрудников, которые выполняют задания за границей, не получают зарплаты восемь месяцев. Бен-Гурион распорядился немедленно им заплатить. И после этого служба безопасности стала подчиняться непосредственно главе правительства.

Иссер был предельно скромным, почти аскетичным. Он не был замешан ни в одном скандале на бытовой почве,

был кристально честен – и насаждал атмосферу строгости и честности в обеих организациях, которыми руководил.

А вот на чем акцентировали внимание журналисты – английский Д. Айзенберг и израильские У. Дан и Э. Ландау:

«Когда семнадцатилетним юношей Харэль перебрался к своей семье в Палестину, уже тогда проявились его способности к подпольной работе. Иссер сумел пронести револьвер через английскую таможню, отличавшуюся особо строгим досмотром. Таможенники никогда бы не заподозрили в этом безобидном лопухом пареньке полтора метра ростом контрабандиста...»

Он так усердно трудился на апельсиновой плантации, что заработал себе прозвище «Стаханович» по аналогии с русским шахтером Алексеем Стахановым, чье имя стало синонимом высокой производительности труда. Иссер быстро усвоил иврит, но так и не смог избавиться от русского акцента. Среди жителей кибуца он был известен как серьезный и даже суровый человек...

Иссер хорошо справлялся со своими служебными обязанностями и быстро продвигался по службе. Вскоре он уже возглавлял группу разведчиков, а после окончания Второй мировой войны стал командовать подразделением Шай в районе Тель-Авива. Этот пост он занимал в течение нескольких лет.

Именно в это время Иссер Харэль получил прозвище «Иссер маленький». Формально основанием для такого прозвища являлся его рост. Но главной причиной стало всё-таки то, что его необходимо было отличать от другого Иссера – Иссера Беери.

Более десяти лет Харэль фактически единолично руководил всеми разведывательными операциями. Ответственный только перед Бен-Гурионом, он являлся человеком номер два в Израиле.

Иссер был буквально одержим манией секретности, с тех пор как возглавил подразделение в районе Тель-Авива. После Второй мировой войны он собрал огромный архив, содержащий всевозможную информацию по обеспечению безопасности, сведения о нацистских преступлениях и другие материалы, которые, по его мнению, могли когда-либо пригодиться.

Опасаясь, что англичане захватят архив, Иссер снял в Тель-Авиве небольшую квартиру и оборудовал в ней потайную комнату, где в течение многих месяцев хранил свои бесценные документы. Несколько раз англичане пытались обнаружить его тайник, но безуспешно.

Однако этого было недостаточно для Иссера.

Объезжая окрестности Тель-Авива, он заметил строящийся многоквартирный дом. Это навело его на одну

мысль. Выйдя из машины, он подошел к мастеру и осторожно расспросил его о рабочих. Поговорив с некоторыми из них, Иссер выбрал одного, которому, по его мнению, можно было доверять, и попросил оказать ему маленькую услугу.

Ему нужна была комната, расположенная в центре здания, для хранения архивных документов. О тайниках не должны были знать ни архитектор, ни другие строители. Рабочий сделал ему такую комнату. Именно здесь Иссер хранил архив вплоть до того времени, когда англичане покинули страну и он смог найти подходящее помещение в Яффе.

О любви Харэля к конспирации складывались легенды. Ходил даже анекдот, как однажды Иссер, наняв в Тель-Авиве такси, на вопрос водителя, куда ехать, ответил, что это секрет...

На работе «Иссер маленький» преображался. Сотрудники уважали и боялись его. По свидетельству одного из них, когда Харэль смотрел на собеседника, тот чувствовал себя в роли подсудимого. Другой добавлял: *«Казалось, что холодный взгляд его голубых глаз словно острый нож вскрывал ваши самые сокровенные мысли. Разговаривая с людьми, он смотрел прямо в глаза и никогда не отводил взгляда. Чем больше Харэль смотрел на вас, тем суровее он казался. В разговоре с ним вы всегда чувствовали себя виноватым. Достаточно было малейшей оплошности, и вы могли потерять доверие Харэля, даже если для этого не было серьезных оснований».*

Оплошности могли быть не слишком значительными: например, когда Иссер Харэль узнал, что один из лучших сотрудников под благовидным предлогом провёл недельку на курорте с любовницей, он немедленно уволил его.

И. Дайчман отмечал:

«Харэль не был бесребреником – и это при том, что распоряжался самостоятельно средствами «Моссад» и не отчитывался ни перед кем, даже перед правительством. В 50-е годы (XX века. – Э.И.), когда разведчики были единственными, кто мог вывозить из Израиля сравнительно крупные суммы в валюте, он подавал своим сотрудникам пример, сдавая по возвращении остатки средств прямо в аэропорту. А за малейшие финансовые злоупотребления карал жестко и неукоснительно. Но тем, кто работал добросовестно и был предан делу по-настоящему, Харэль оказывал поддержку во всем, что было в его возможности. Если кто-то из агентов попадался, Харэль предпринимал все усилия для его освобождения. И, кстати, вопреки практике большинства разведок, не считал арест агента и его тюремное

Включение за границей основанием для прекращения сотрудничества. Многие агенты, «проваленные» не по их вине, с новыми легендами и в новых странах продолжали работу, порой очень успешную.

Стиль Харэля в руководстве спецслужбами строился на сочетании жесткой требовательности и подчеркнутой престижности, даже элитарности. Харэль старался воспитать у разведчиков чувство гордости от принадлежности к некоему эксклюзивному братству. «Вы – редкие существа в заповеднике», – говорил он своим подчиненным.

Работа в израильской разведке, как было заведено с давних времен, велась не ради денег, а опиралась на чувство долга, личные качества. Зарплата сотрудников «Шин-Бет» и «Моссада» ничем не отличалась от зарплаты других госчиновников – по западным стандартам очень мало. Правда, во время зарубежных операций оплата была примерно в два раза выше плюс компенсация необходимых расходов. Работа была сложной и опасной, рабочий день – бесконечным. Единственное, что Харэль мог сделать, – это создать у своих сотрудников ощущение, что они находились под защитой.

Самым страшным грехом в разведке считалась ложь...

Харэль был, что называется, жестким начальником. Он избегал панибратства, легкости в отношениях, практически не шутил сам и плохо воспринимал шуточки и хохмы, столь присущие израильтянам. Единственное не совсем серьезное его высказывание: «Из всех людей моих голубых глаз не боятся только дети и собаки».

И. Харэль восстановил отношения с Д. Бен-Гурионом в июне 1966 года. В этот день жена Давида организовала у себя дома их встречу. Они обнялись. Иссер Харэль заплакал, а хозяин подарил ему фотографию, на обороте которой было написано:

«Иссеру – защитнику чести и безопасности страны. Бен-Гурион».

Впоследствии И. Харэль избирался депутатом Кнессета 7-го созыва – с 17 ноября 1969 года до 24 января 1974 года. Он был членом комиссии по внутренним делам.

И. Харэль любил оперу и романы Агаты Кристи, не любил шпионские детективы, кроме романов Джона Ле Карре. Под именем «Мемуне» он стал одним из героев криминального романа Дерека Картуна «Падение Иерусалима».

Иссер Харэль, еще при жизни ставший живой легендой «Моссада», возглавлял поочередно разведку и контрразведку Израиля.

Нельзя не согласиться со следующим мнением российского ученого-историка, профессора РАЕН Владимира Карпова:

«Этот уроженец Витебска, эмигрировавший вместе с родителями на «землю предков», немало сделал для того, чтобы превратить «Моссад» в самую современную разведывательную службу мирового класса. Подобно другим пионерам сионистского движения, жившим в кибуцах и ведшим аскетический образ жизни, Иссер Харэль имел единственную цель в жизни – обеспечить любой ценой безопасность Израиля и его защиту от внешних и внутренних врагов. Достаточно сказать, что, несмотря на большие достижения этой разведывательной службы, которую он возглавлял рекордно длительный срок – вплоть до 1963 года, и свои личные заслуги, Харэль неизменно отказывался от любых наград и генеральского звания, что выгодно отличает его от представителей других спецслужб и различных армейских чинов Израиля, который сегодня по числу генералов на тысячу военнослужащих находится «впереди планеты всей».

Иссер Харэль умер 18 февраля 2003 года в возрасте 91 года в медицинском центре «Бейлинсон» в городе Петах-Тикве. Его по праву считают национальным героем Израиля.

TOP SECRET